

кровати стояли въ углу и подъ угломъ; тутъ же стоялъ столикъ со свѣчей и книгами; почти никогда не засыпали мы безъ чтенія, продолжавшагося далеко за полночь. Читались и греческая философія, и Бокль, и Дарвинъ, и историческіе романы. Перебрали и въ нашей литературѣ все, что было въ ней выдающагося. Такъ время шло.

Въ скульптурный классъ я ходилъ и занимался, но не охотно. Почему?—самъ не зналъ и не отдавалъ себѣ въ этомъ отчетъ; просто не влекло. Товарищи мнѣ тамъ были не по душѣ. Многие изъ нихъ были дѣти лѣшниковъ, монументальныхъ дѣлъ мастеровъ, смотрѣвшіе на свое занятіе съ чисто-практической точки зрѣнія. Тамъ былъ только одинъ человѣкъ, къ которому меня влекло, но и то скорѣе изъ состраданія: это былъ въ своемъ родѣ мученикъ или жертва „безумія искусства“. Ему было уже лѣтъ за тридцать; когда именно онъ вступилъ въ академію художествъ, никто не зналъ; онъ же самъ не любилъ говорить объ этомъ. Былъ слухъ, однако, что вступилъ онъ лѣтъ четырнадцать тому назадъ и до сихъ поръ все оставался въ первомъ классѣ.

Былъ онъ ниже средняго роста, скорѣе пухлый, нежели полный; лицо его тоже было пухлое и доброе, волосы черные и гладкіе, борода жидкая, глаза черные, блуждающіе и губы полныя, съ синеватымъ оттѣнкомъ. Приходилъ онъ въ классъ рано, раньше всѣхъ, и уходилъ позднѣе всѣхъ. Ни на кого не обращалъ вниманія, ни съ кѣмъ не разговаривалъ, неохотно отвѣчалъ на вопросы и въ особенности на плоскія шутки нѣкоторыхъ товарищей. Все время онъ сидѣлъ почти неподвижно, устремивъ взоръ на предметъ, который старательно срисовывалъ на самой плохой бумагѣ кусочкомъ карандаша, вставленнымъ въ рейсфедеръ. Рисовать онъ начиналъ хорошо, вѣрно, но машинально; тушовка же никакъ не давалась ему. Изношенное пальто неизвѣстнаго цвѣта, всегда накинутае на его плечи, и засаленные до глянцеvitости рукава ясно говорили о его несостоятельности. Я сталъ наблюдать за нимъ и убѣдился, что онъ часто голодаетъ. Его завтракъ и обѣдъ, повидимому, состояли всегда изъ одного и того же, а именно изъ куска чернаго хлѣба, приносимаго имъ съ собою въ классъ и украдкой тутъ же съѣдаемаго. Иногда и того не было, и я это узнавалъ по блѣдности его лица. Вначалѣ наше знакомство шло туго, потомъ довольно сносно и, наконецъ, совсѣмъ удовлетворительно. Подойду, бывало, къ нему, и тихо спрошу:—Кажется, сегодня вы ничего не ѣли?—Онъ посмотритъ на меня съ удивленіемъ, ответитъ